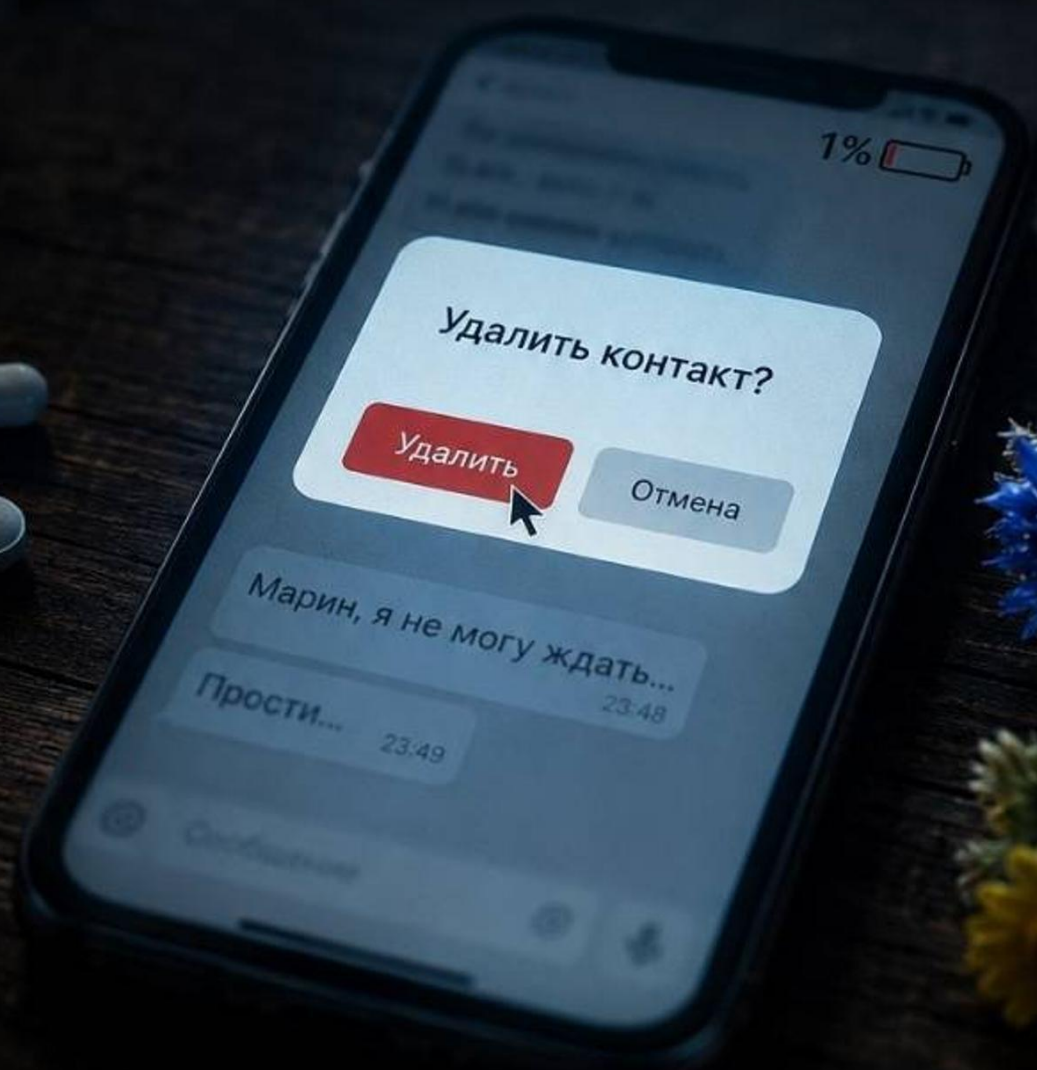

СИНДРОМ ОТМЕМЫ

СЕМЕОН БРАНТ

18+

Семеон Брант

Синдром отмены

«Автор»

2026

Брант С.

Синдром отмены / С. Брант — «Автор», 2026

Реалистичная психологическая драма о мужчине, который попадает в эмоциональную зависимость от женщины с травмой привязанности. История длиной в два года: от первого знакомства до финальной точки. Герой теряет себя, работу, здоровье, переживает панические атаки и клиническую депрессию — и шаг за шагом возвращает контроль над собственной жизнью. Без хэппи-энда, без морали. Только факты, чувства и сцены, от которых невозможно оторваться.

© Брант С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Конец лета	9
Глава 3. Первое исчезновение	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Семеон Брант

Синдром отмены

Эпиграф

Иногда люди приходят в твою жизнь не для того, чтобы остаться. Они приходят, чтобы разбить старое зеркало — и показать тебе, кто ты есть на самом деле. Больно. Страшно. Но именно так начинается настоящее.

Глава 1. Начало лета

Лето выдалось жарким — воздух дрожал над асфальтом, тени казались горячими. Я шёл на работу, мечтая о кондиционере в кинозале. По дороге забежал в магазин за водой — горло пересохло, пот стекал по спине. У кассы я услышал, как что-то стукнуло об пол.

Яблоко. Красное, гладкое. Оно катилось по линолеуму и остановилось у моих ног.

Я поднял голову. Девушка в кепке и белой футболке с абстрактным узором смотрела на меня через проход. Она держала пакет, из которого выпало яблоко, и смущённо улыбнулась — так улыбаются, когда знают, что виноваты, но надеются на снисхождение.

— Простите, — сказала она.

Я поднял яблоко, протянул ей. Наши пальцы на секунду коснулись — её рука была тёплой, чуть влажной от жары. Она улыбнулась шире, мельком взглянула на меня, будто хотела что-то сказать, но передумала. Взяла яблоко, кивнула и вышла, оставив за собой запах мятного дезодоранта.

Я проводил её взглядом. «Красивая». Мысль пришла и угасла, как искра. И всё же я запомнил её лицо — линию скул, изгиб бровей, то, как она поправила кепку. И узор на футболке. Он был похож на старую карту или на чей-то профиль. Глупая деталь, но она зацепилась в памяти, как заноза.

Вечером я стоял за пультом в тесной будке. Басы дрожали в полу, диско-шар резал темноту на тысячи осколков. Обычная суббота.

Ближе к двенадцати дверь распахнулась, и ввалилась компания — человек пять-шесть. Заезжие, из города. Я скользнул по ним взглядом и вдруг замер.

Я её узнал.

Та самая девушка из магазина. Кепка, белая футболка с выцветшим узором. Она выделялась — моложе, подвижнее, будто шла не ногами, а плыла. Когда наши взгляды встретились, она тоже меня узнала. Это длилось долю секунды — уголок её губ дрогнул в улыбке, она чуть прищурилась. Потом отвела глаза. Я поставил следующую песню. Сердце стукнуло раз, другой и затихло.

«Совпадение».

Минут через десять она появилась в проёме будки.

— Добрый вечер.

Я поднял голову.

— Можно заказать песню?

— Какую?

— «Гаязос бразерс — Малиновая лада».

Я кивнул, открыл ноутбук, поставил в очередь.

— Будет.

— Спасибо, — прошептала она и улыбнулась — одними уголками, без напряжения.

Я проводил её взглядом до танцпола. «Девушка из магазина. Ну и что». Пустота.

Песня отыграла. Я переключился на следующий трек. Она то и дело оказывалась ближе к будке, чем другие. Может, случайно. А может, нет.

Прошло ещё пара песен. Она снова просунула голову в проём.

- Добрый вечер.
- И снова здравствуйте.
- Можно ещё песню?

Она назвала другую. Я поставил. Она не ушла — оперлась плечом о косяк и уставилась на меня.

- Ты один здесь работаешь?
- Один. А что?
- Просто интересно. Народу немного, а ты уже три часа крутишь.
- Привык.

Она кивнула и вдруг спросила:

- А тебе самому нравится то, что ты ставишь?

Я замер. Люди редко спрашивают диджея про вкус. И в голове всплыло другое лицо — бывшей жены. Её голос, раздражённый:

«Ты скучный, Сём. Твоя работа — просто нажимать кнопки».

Я хотел сказать что-то проходное, отмахнуться. Но вдруг понял: она спрашивает не про музыку. Она спрашивает, есть ли у меня внутри хоть что-то живое. Я вспомнил, как семь лет ходил по кастингам, как слушал «нет», как выходил из студий и смотрел на своё отражение в витринах — и не узнавал себя. Мечта стать актёром превратилась в привычку терпеть отказы. Я даже не рассказывал об этом ребятам в комнате. Слишком стыдно — мужик, а в кино не берут.

А эта девушка смотрела и ждала ответа на вопрос, который никто никогда не задавал. Про меня.

- Нравится, — сказал я. — Но я ставлю не только то, что люблю.
- Это правильно. А то некоторые только себя и слушают.

Она улыбнулась — шире, почти по-свойски — и исчезла.

Через двадцать минут они начали собираться. Дверь приоткрылась, зашла та, постарше, из их компании.

- Мы сейчас на улице постоим, потом вернёмся. Не закрывайте.
- Хорошо.

Она задержалась на пороге:

- И кстати. Девушке нашей вы понравились.
- Кому?
- Марине. Которая к вам подходила.

Я кивнул, пробормотал «спасибо». Внутри — только удивление:

«С чего бы?» Поставил песню и снова уткнулся в экран.

Они вернулись через десять минут. Марина встала неподалёку от будки. Я видел, как она иногда поворачивается в мою сторону, но делал вид, что занят. «Если хочет — пусть сама подойдёт».

Она подошла.

- Слушай, давай обменяемся номерами?

Просто, без кокетства.

- Давай.

Я протянул телефон. Она набрала цифры. На экране засветилось «Марина».

- Ты ещё побудешь? — спросил я, чтобы что-то сказать.

Она пожала плечами:

— Должна была уехать ещё в четверг, но машина сломалась. Так что я здесь ещё пару дней.

- Понятно. Ну, тогда увидимся.
- Увидимся.

Дисотека догорала. Часы показывали без пятнадцати два. Я поставил последний медляк — и она снова появилась.

— Пошли танцевать, — сказала она. Не спросила, а утвердила.

Я вышел из будки. Мы встали в центре зала. Моя рука легла ей на талию — я чувствовал тепло её тела сквозь тонкую ткань, её пальцы — мне на плечи. Вблизи я разглядел выцветший принт: это был чейто профиль, не человеческий — скорее очертания горного хребта или старого замка. От неё пахло дезодорантом и табаком. Она улыбалась куда-то внутрь себя, будто танцевала с кем-то невидимым.

«Ей просто весело».

Когда музыка стихла, она убрала руки:

— Спасибо.

— Тебе спасибо.

— А у тебя есть место, где можно посидеть?

— Есть коморка. Там мои ребята.

— Пойдём.

Я привёл её в нашу комнатуху — диван, чайник, старая гитара в углу. Там уже сидели Колян, Лёха и Альберт. Я представил её. Она села, огляделась, улыбнулась — будто всегда здесь была. Кто-то взял гитару, заиграл «Кино». Она подпела мне — тихо, почти неслышно.

Просидели около часа. Ребята засобирались, она тоже встала.

— Мне пора.

— Проводить?

— Если не сложно.

Мы вышли в августовскую ночь — душную, с неполной луной. Фонарей почти нет. Шли на ощупь, чувствуя под ногами гравий и сухую траву. Альберт вышел с нами, но молчал, шёл чуть позади. У развилки он крикнул:

— Я дальше сам. Сём, завтра созвон.

И свернул в переулок. Мы остались вдвоём.

Она выдохнула, улыбнулась. Шли медленно. Она рассказывала про Москву, про отца, про дом в посёлке — «здесь можно выдохнуть». Я слушал и чувствовал лёгкость, будто воздух стал плотнее, и его можно было пить.

У калитки она остановилась, повернулась ко мне. Луна светила ей в спину — я видел только силуэт, но голос был чётким.

— Я про тебя кое-что знаю. Ты разведён.

— Да. Полтора года.

— Я не случайно подошла, — сказала она. — Я ещё в магазине на тебя внимание обратила, а когда при мне рассказали, я заинтересовалась. Но я боюсь. У меня был парень, разведённый. Он следил за мной, проверял телефон, не выпускал из дома. Два года я жила в клетке. Я могу исчезать, когда мне страшно. Могу не отвечать. Это не игра — это защита. Если тебе не подходит — говори сразу.

Я смотрел на неё. Она не просила о помощи. Она просто предупреждала.

— Давай просто узнаем друг друга, — сказал я.

Она улыбнулась мягко, почти смущённо.

— Попробуем.

Я довёл её до калитки. Она вошла. Я пошёл домой. Уже в кровати пикинул телефон: «Ты дома?» — «Да». — «У меня бабочки в животе. Ты даже не представляешь».

Я улыбнулся. Ответил: «Спать надо».

«Ты мне очень нравишься. Я уже жду утра, чтобы снова тебя увидеть. Спасибо, что не испугался моей честности».

Я перечитал «честность» и заснул.

Утром я проснулся с мыслью: «Теперь она моя девушка».

Первым делом посмотрел в телефон — ничего. Умылся, оделся, пошёл на работу. Внутри сидел странный осадок. Не тревога — недоумение: «Почему она не пишет?»

В обед проверил телефон. Пусто. Написал сам: «Как дела?»

Ответ пришёл через час. Одно предложение: «Нам нужно срочно поговорить».

Я сорвался с места. Не помню, как вылетел из зала. Помню только, что никогда в жизни не бегал так быстро.

Через десять минут я стоял у её калитки, запыхавшийся, сердце колотило в рёбра. Она ждала на веранде.

— Заходи, — сказала спокойно.

Мы сели на те же стулья, что и ночью.

— Ну? — спросил я.

— Давай не торопить события. Мне нужно время. Я не готова к серьёзным отношениям.

Я выдохнул — не облегчённо, а растерянно.

— То есть как?

— Бывший сильно ранил. Я боюсь повторения. Мне нужно присмотреться, понять, что ты за человек.

— Хорошо, — сказал я. — Как скажешь.

Она коснулась моей руки:

— Спасибо, что понимаешь.

Я улыбнулся в ответ, но внутри всё скрутило. Она сама написала «срочно», я примчался — и теперь «не торопить»?

Я посидел ещё немного, попил чаю. Потом встал:

— Мне пора на работу.

— Напиши, — сказала она.

Я вышел медленнее, чем забегал. Шёл и думал: «Что это было?

Мы вроде вместе, но торопиться нельзя. Ладно, может, она права.

Время покажет».

Я тогда верил, что время на моей стороне. Я тогда верил во всё, что мне было выгодно верить.

Глава 2. Конец лета

Утро после её просьбы «не торопить события» было странным — я проснулся рано, хотя спал всего ничего. В груди саднила пустота — не боль, а ощущение отсутствия, как когда языком ищешь дырку на месте выпавшего зуба. Я лежал, смотрел в потолок, слушал скрип кровати и переваривал вчерашнее. Она сказала, что может исчезать.

Что боится. Что хочет попробовать — но с условиями.

Телефон пиликнул — громко в утренней тишине. Её сообщение: «Привет. Мне скучно. Приходи, если хочешь». Я улыбнулся, встал, быстро собрался. Ноги уже несли меня к двери. Каждое её «приходи» было командой, каждое моё «да» — шагом в пропасть.

Я взял ноутбук — можно работать удалённо. Первое сентября на носу, нужно подготовить аппаратуру, расписание, договориться с ведущими. Но в тот момент я думал только о том, что она ждёт. Всё остальное стало фоном.

Я пришёл к ней к десяти. Дом встретил запахом старого дерева и утренней прохлады — тем особым запахом, который бывает только в домах, где каждая доска помнит чужие шаги. Она открыла дверь в той же белой футболке, только без кепки. Волосы распущены, глаза немного сонные, на щеках лёгкий румянец. Она улыбнулась — не широко, а по-домашнему, будто мы жили вместе годы.

— Заходи, — сказала она. — Я чай заварила.

Мы сели на кухне. Две кружки, вазочка с печеньем. Она включила что-то тихое — кажется, джаз, низкий голос саксофона.

— Ты принёс работу? — спросила она, крутя в руках кружку.

— Ага. Но могу и без неё.

— Нет, работай, я не мешаю.

Я открыл ноутбук, сделал вид, что что-то делаю. На самом деле я просто смотрел, как она пьёт чай, перелистывает ленту, поправляет прядь волос, убирает за ухо. Я врал себе, что могу контролировать внимание. Я не мог. Она была здесь, напротив, и от этого всё остальное теряло смысл. Слова на экране расплывались. Был только звук её дыхания и лёгкий стук ложки о край кружки.

Мы проговорили до вечера. О чём — не помню. Обо всём и ни о чём: о музыке, о посёлке, о её отце, о моей работе. Она рассказывала про Москву, про друзей, про то, как устала от бесконечной гонки. Я слушал и ловил себя на мысли, что её голос успокаивает — будто я знал его всю жизнь.

Вечером она спросила:

— Может, останешься? Отец уехал, я одна. Большой дом, немного пусто.

— А если я буду мешать?

— Не будешь. Но сразу скажу: спать будем в разных комнатах. Я не готова... ну, ты понимаешь.

— Понимаю.

Она отвела меня в комнату на втором этаже — кровать с белым бельём, пахнущим лавандой, окно с видом на улицу, где зажигались жёлтые огни редких фонарей. Моя комната была рядом с её. Когда она легла, я слышал, как скрипнули пружины кровати, как она повернулась на бок. Мы не закрывали двери. Лежали в темноте, разговаривали через стену.

— Сём, а ты не боишься, что я исчезну? — спросила она. Голос тихий, почти шёпотом.

— Боюсь, — ответил я. — Но я хочу верить, что ты не исчезнешь.

— Я не обещаю. Но я постараюсь.

— Этого достаточно.

Мы замолчали. Я смотрел в потолок, слушал её дыхание — ровное, глубокое. Через время оно стало мерным — она уснула. Я ещё долго лежал, перебирая в голове её слова. «Постараюсь». Что она мне обещала?

Мы проспали часа три. Утром я проснулся от того, что она стояла в дверях с кружкой чая. Волосы влажные после душа, на губах лёгкая улыбка, глаза уже не сонные — живые, блестящие.

— Доброе утро.

Я улыбнулся в ответ. На часах одиннадцать. День начинался заново.

Я пошёл к себе — показаться родителям, переодеться. По дороге встретил Коляна. Он стоял у калитки, курил, и когда увидел меня, усмехнулся.

— О, — сказал он. — Ты что, ночевал у неё?

— Нет. Просто сидели допоздна.

— Ты уже пропал, Сём, — покачал он головой. — Улыбаешься как дурак, а знаешь её два дня. Смотри, не обожгись.

— Всё нормально. Мы просто общаемся.

Он ничего не сказал, только затянулся, глядя на меня с прищуром, выпустил дым в сторону. Я пошёл дальше. Слова засели внутри — как заноза, которую я решил не вытаскивать.

А после обеда она позвонила:

— Слушай, тут жара. Пошли на реку.

В посёлке был небольшой пляж — песчаная полоса у обрыва, где река делала поворот, и вода становилась тёплой и спокойной. Я пришёл, когда она уже стояла у воды — босая, в шортах и той же белой футболке. Зашла по щиколотку и обернулась, улыбнувшись.

Свет падал на неё так, что она казалась нереальной, как видение.

— Иди сюда! — крикнула она.

Я разулся, подошёл. Вода была тёплой, как парное молоко, песок уходил из-под ног. Она опустила руку в воду, взмахнула — брызги полетели в меня. Я отскочил, засмеялся.

— Ты что, с ума сошла?

— А ты что, боишься? — усмехнулась она.

Она зашла глубже — по пояс. Я видел, как светлая ткань футболки прилипает к телу, как вода стекает по плечам, как капли блестят на коже. Она не кокетничала. Она просто была — настоящая, живая, мокрая под августовским солнцем. А я стоял на берегу и не мог оторвать взгляд. Между нами возникло напряжение — не то, которое мы обсуждали, а другое, физическое. Оно висело в воздухе, как тот жаркий день. Мы оба чувствовали его, но не произносили вслух.

Она вышла из воды, отряхнулась, и мы сели на песок. Она была так близко, что я чувствовал запах воды и её кожи — смесь солнца, реки и чего-то родного. Я хотел прикоснуться — но не решился.

— Ты чего смотришь? — спросила она, усмехнувшись.

— Просто вижу, — ответил я.

Она отвела взгляд. Мы долго сидели молча. Я знал, что мы оба думаем об одном. Но ни один не сделал шага. Это молчание было тяжелее любого разговора.

Вечером я снова пришёл к ней. Мы сидели на веранде, пили чай. Разговора почти не было — воздух стал тягучим, как мёд. Слова больше не были нужны. Мы смотрели друг на друга, и в её глазах я видел то же, что чувствовал сам. Она взяла меня за руку, и я почувствовал, как её пальцы сжали мои — тёплые, чуть влажные. Я не помню, кто сделал первый шаг. Мы просто оказались на одной волне, и всё случилось само.

Это было тихо и честно. Я помню холод простыней под спиной, тепло её ладони на моей груди, запах её волос — цветочный и одновременно терпкий, как полынь. После она долго молчала, прижимаясь ко мне, потом сказала:

— Ты первый, кому я позволила так близко.

Я не знал, что ответить. Я просто лежал и думал: значит, я для неё что-то значу. Я не понял тогда, что это были не слова доверия, а предупреждение. Она давала мне то, что не давала никому, — и я принял это как награду.

А потом началась гроза. Она ворвалась внезапно — как всё, что происходило между нами. Первая молния ударила где-то рядом, свет на мгновение залил комнату, выхватив из темноты наши лица, руки, простыни. Мы вздрогнули. Я встал, подошёл к окну. Дождь только начинался — крупные капли били по стеклу, оставляя мокрые дорожки.

— Идём, — сказал я, обернувшись. — На улицу.

— Под дождь? — удивилась она, но в глазах уже горел огонь.

— Да. Пойдём.

Мы выбежали из дома босиком. Трава под ногами была мокрой, холодной. Дождь хлестал по лицу, смешиваясь с нашим смехом. Мы бежали по двору, вода стекала по волосам, по футболкам. Она кружилась под дождём, запрокинув голову, и я смотрел и не мог поверить, что это происходит со мной.

— Я никогда так не делала! — крикнула она сквозь смех.

— А теперь делаешь!

Мы бегали по мокрой траве, обнимались, смеялись. Мне казалось, дождь смывает всё, что было до этого момента. Это была не новая жизнь — это была новая ловушка, которую я сам себе готовил.

Мокрые, счастливые, мы вернулись в дом и упали на кровать. Я слышал, как вода стекает с наших тел на простыни, как она дышит рядом — глубоко, спокойно. Мы лежали в темноте, прислушиваясь к грозе. Она заснула у меня на плече. А я смотрел в потолок и думал о том, как странно устроена жизнь: она пришла из ниоткуда, за несколько дней перевернула всё, и вот теперь я лежу рядом с ней, слушаю гром и не хочу, чтобы это заканчивалось.

Под утро гроза стихла. Мы уснули почти одновременно, когда за окном уже начинало светать — серый, молочный свет просачивался сквозь шторы.

Я проснулся от солнца, пробивающегося сквозь мокрое стекло. Она стояла в дверях — улыбалась, держа кружку чая. Свет падал на неё так, что она казалась частью этого утра.

— Мы немного поторопились, но я не жалею, — сказал я. — Между нами что-то есть.

Она кивнула, улыбнулась, но в глазах мелькнула тень — та, которую я потом буду замечать каждый раз, когда она станет отдаляться.

— Я знаю. Я просто боюсь, что это слишком быстро. Дай мне время.

— Хорошо. Я подожду.

В тот день она ушла к друзьям — помогать перебирать картошку. Я заскочил домой, поработал. А вечером мы снова встретились. Она пришла с красными от ветра щеками, пахнущая осенним воздухом и сухой травой. Мы вышли на улицу и сели на скамейку у реки — смотреть на закат.

Небо было огненным — багряным, розовым, лиловым. Вода отражала эти цвета, и казалось, что горит сама река. Лето уходило. Мы смотрели, как солнце медленно опускается за горизонт, как последние лучи скользят по воде. Молчали. Я знал, что это мгновение не повторится. Оно останется только в памяти — тёплое, хрупкое, как стекло. Она взяла меня за руку и прошептала:

— Спасибо, что ты есть.

Я не знал, что ответить. Я просто сжимал её ладонь и верил, что это только начало.

На следующий день она поехала в Тулу. Отец заказал для неё эвакуатор.

— Я поеду с тобой, — сказал я.

— Не надо. Ты будешь ждать автобус, а я быстро и поеду в Москву.

— Я не против ждать.

— Давай не поедешь. Я справлюсь.

Я не настаивал. Но когда я стоял на улице и смотрел, как эвакуатор увозит её машину, а она сидит рядом, внутри засела тоска — как будто я терял что-то важное.

Я пошёл на работу, пытался сосредоточиться, но мысли были только о ней. Через пару часов пришло сообщение: «Машину делают. Очередь, ждать ещё часа три. Я гуляю по Туле. Скучно».

Я не мог сидеть здесь. Я должен быть там.

Я набрал начальника.

— Сём, ты где? У нас через час репетиция.

— Мне нужно срочно уехать. Проблема с семьёй. Я позвоню.

Пауза. Потом его голос, холодный:

— Ты понимаешь, что подводишь всех? Если аппаратура не будет готова завтра — ищи другую работу. Мне плевать на твои семейные проблемы.

Он бросил трубку. Гудки — короткие, сухие, как выстрелы. Я выключил телефон и побежал ловить попутку. Я знал, что переступаю черту. Что теряю работу. Что это глупо. Но я не мог остановиться.

Мне повезло — первая же машина остановилась. Через сорок минут я был в Туле, на той самой улице, которую она скинула по геолокации.

Она стояла у набережной, смотрела на воду. Когда обернулась и увидела меня, в глазах вспыхнуло удивление и радость — живой свет, который я запомнил навсегда.

— Ты серьёзно? — спросила она.

— Серьёзно.

Мы гуляли по набережной. Она держала меня за руку. Река блестела в свете уходящего солнца, ветер пах свежестью. Я ловил себя на мысли, что это — сон, который я боюсь прервать.

Через полчаса позвонил сервис: машина готова. Мы пошли забирать. Она села за руль, я — рядом. Мы посидели ещё минут десять, глядя на вечерний город. Она повернулась ко мне:

— Я всё ещё не готова к серьёзным отношениям. Но я хочу, чтобы мы попробовали. Ты мне правда нравишься. Дай мне время.

— Хорошо. Я подожду.

Я вышел из машины, она уехала. Я пошёл на вокзал, сел в автобус. В наушниках заиграла песня — та самая, что позже станет символом этого дня. Я смотрел в окно и вдруг почувствовал, как внутри поднимается что-то огромное, как волна. Слёзы потекли сами — тёплые, солёные, смешивались с дорожной пылью. Я не плакал с детства. Но здесь я сидел в автобусе и не мог остановиться.

Это были не слёзы грусти. Это были слёзы от того, что я чувствовал что-то настолько сильное, что не мог вместить. Она подарила мне эмоции, которых я никогда не испытывал. Они были такими яркими, что я просто не знал, как с ними жить.

Дома я лёг на кровать и снова разревелся. Вроде мужик, а плачу. Но мне было всё равно. Я знал: это не слабость. Это — осознание того, что я жив.

Вечером она позвонила сама — редкий случай, она всегда писала.

— Сём, — сказала она. — Я доехала. Всё нормально.

— Я рад.

Пауза.

— Слушай, — сказала она. — Нам нужно немного времени. Мне нужно подумать, что я чувствую. Я не хочу тебя обманывать, давать ложную надежду. Но... скорее всего, да. Я хочу, чтобы мы попробовали. Просто дай мне немного времени, ладно?

— Хорошо. Я подожду. Ты знаешь, где я.

— Спасибо. Я позвоню.

Я смотрел на телефон, на её имя на экране. Она не сказала «нет». Она сказала «скорее всего, да». Неопределённость пускала корни в моей душе.

Я открыл чат. Начал печатать: «Марин, я хочу сказать тебе...» — стёр. «Я понимаю, что тебе нужно время...» — стёр. Я хотел написать правду: «Я не могу без тебя». Но я знал, что это будет выглядеть как давление.

Я бросил телефон на кровать. Лёг, выключил свет. В комнате стало тихо — только ветер за окном и стук ветки о стекло. Я думал о её голосе, о том, как она сказала «пока». О том, что лето кончается. Вечера стали холоднее, листья начали желтеть. Первый осенний ветер уже шевелил шторы.

Я тогда не знал, что это только начало долгого круга — где надежда сменяется отчаянием, а отчаяние — новой надеждой. Я думал, это любовь.

Я просто лежал в темноте, чувствовал, как прохладный воздух касается лица, и ждал нового сообщения.

Глава 3. Первое исчезновение

Прошло несколько дней. Она сказала «скорее всего, да» — и я держался за эти слова, хотя внутри уже знал: доска гнилая.

Я ждал механически, будто организм переключился в режим ожидания. Телефон стал продолжением руки — я носил его даже в душ. Экран оставался тёмным. Я проверял уведомления каждые пять минут, потом каждую секунду. Жизнь сузилась до прямоугольника.

Прошли выходные. Я был уверен, что она приедет. Прибрался, купил её любимый чай, поставил в вазу цветы. Чуда не случилось. Ни в ту субботу, ни в следующую. Чай остыл. Цветы завяли. Я выкинул их — сухие стебли хрустели в пальцах.

Так прошёл месяц. Я привык к состоянию между надеждой и пустотой — как к хронической боли. Ходил на работу, делал вид, что живу. Но внутри сидела тревога — заноза под кожей.

Я перестал включать музыку. Каждая песня возвращала меня в ту будку, к её голосу. Тишина была безопаснее. Я сидел в ней часами, слушал, как тикают часы на стене.

Однажды в комнату зашёл Колян. Посмотрел на меня, покачал головой, закурил прямо в помещении — обычно я гнал его за это, но сейчас просто сидел и смотрел в стену.

— Ты опять ждёшь? — спросил он, выпуская дым.

— Нет, — ответил я, даже не повернув головы.

Он усмехнулся грустно, присел на край стола:

— Врёшь. Ты уже не живёшь, Сём. Ты просто ждёшь, когда она разрешит тебе жить. Ты как пёс, которого хозяин оставил у магазина и обещал вернуться через пять минут, а сам уехал в другой город. И ты сидишь, слюни пускаешь, и веришь, что она появится.

Я хотел возразить, но слова застряли в горле. Он был прав.

Колян встал, хлопнул меня по плечу:

— Думай, Сём. Ты не котёнок, чтобы ждать, пока тебя погладят.

Он ушёл, а я остался сидеть, глядя на дверь.

В какой-то момент я попытался вырваться. Пошёл в бар, сел за стойку, заказал пиво. Рядом сидела девушка — она смеялась, запрокинув голову, откинув волосы. Тот же жест, та же поза. Сердце пропустило удар. Я подошёл, сказал что-то, она улыбнулась — и я понял, что она не Марина. Ни одна не будет Мариной. Наутро я удалил её номер. Я не был свободен. Я был пленником, даже когда она молчала.

Однажды днём я шёл домой. Осень уже вступила в права — листья желтели, ветер кружил их по асфальту. Я проходил мимо поворота к её дому, и вдруг меня прошибло током. Сердце забилось быстрее, ладони вспотели. Я чувствовал её присутствие кожей. Она здесь. Она приехала и не сказала мне.

Я развернулся и пошёл к её дому — быстро, почти побежал. У калитки остановился. В окнах тихо, шторы задернуты. Я стоял, смотрел на закрытую дверь, и внутри всё кричало: «Постучи! Она откроет!» Но я не постучал. Потому что боялся, что она скажет «нет». Я сжимал кулаки, чувствовал, как ногти впиваются в ладони, и не мог сделать шаг. Потом развернулся и ушёл.

Я не знал тогда, что происходило за этими шторами. Мне рассказала Ира, её подруга, через несколько месяцев.

Она стояла у окна, смотрела, как я подхожу, замираю, смотрю на её дом — и как потом разворачиваюсь и ухожу. Внутри неё всё кричало: «Беги, открой, догони!» — но ноги приросли к полу. Она сжала подоконник до белых костяшек. Она хотела выбежать, обнять, сказать, что всё будет хорошо. Но страх оказался сильнее — старый, как её детство, как те годы, когда она жила в клетке с бывшим. Она боялась не меня. Она боялась себя.

Завибрировал телефон. Ира.

— Ты видела? Он стоял у твоей калитки. Ты не вышла.

— Не вышла, — ответила Марина, и голос дрожал. — Я не могла.

— Ты боишься? Или просто не хочешь?

Марина закрыла глаза.

— Я боюсь, — выдохнула она. — Но я хочу. Хочу к нему, но я сломаю его. Он слишком хороший, слишком чистый. А я сломана.

— Он не такой, — сказала Ира. — Я видела. Он смотрит на тебя так, будто ты — единственный человек на земле. Если ты не выйдешь сейчас — он будет ждать годами.

Марина молчала. Слёзы текли по щекам. Она знала, что я буду ждать. И это было страшнее всего — не то, что я уйду, а то, что я могу не уйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.